Анна Федорец

Летом мы живём на даче,
Невозможно нам иначе.
Будь хоть беден, хоть богат,
Город летом — сущий ад.
(Из оперетты «Хан Намык»)

ДАЧНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ МОСКОВСКИХ КУПЦОВ

На террасе. Художник Борис Кустодиев, 1906, Нижегородский художественный музей

ДАЧНЫЙ БЫТ — УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ ЖИЗНИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ. О НЁМ ПИСАЛИ А.П. ЧЕХОВ, И.А. БУНИН, М. ГОРЬКИЙ И ДРУГИЕ КРУПНЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ ТОЙ ЭПОХИ. К РУБЕЖУ ВЕКОВ ДАЖЕ МАЛОИМУЩИЕ СЛОИ НАСЕЛЕНИЯ — СТУДЕНТЫ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ РАЗНОЧИННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, МЕЛКИЕ ЧИНОВНИКИ — В ЖАРКОЕ ВРЕМЯ ГОДА СО ВСЕМ СЕМЕЙСТВОМ ВЫЕЗЖАЛИ ЗА ГОРОД. ОДНАКО МОДУ НА ДАЧНЫЙ ОТДЫХ ЗАВЕЛИ ЛЮДИ СОСТОЯТЕЛЬНЫЕ, ПРЕЖДЕ ВСЕГО КУПЦЫ. ОНИ УСТАНОВИЛИ ОСОБЫЙ РИТМ ЭТОГО ОТДЫХА, ОСОБЫЙ РАСПОРЯДОК ДНЯ, ОНИ ЖЕ ЗАВЕЛИ ОСОБЫЕ — ДАЧНЫЕ — РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Около дачи. Художник Иван Шишкин, 1894, Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан

УДОБСТВА ПОДМОСКОВЬЯ

В середине XIX столетия Москва выглядела совершенно иначе, чем сегодня. Город утопал в зелени садов, его прорезывали многочисленные мелкие речушки, а в Москве-реке можно было купаться и даже ловить рыбу. Дом каждого сколько-нибудь крупного предпринимателя окружал собственный сад с плодовыми деревьями и кустами, с цветниками и беседками, где многочисленные домочадцы могли отдохнуть от летнего зноя, испить чаю или прохладительных напитков. Однако домашнего сада было явно недостаточно: хотелось отдохнуть от городской суеты, от непрестанного шума и взбиваемой конскими копытами пыли. И купцы начали осваивать ближайшие к городу зелёные зоны.

Одним из первых купеческих дачных мест стали Сокольники — излюбленное место отдыха московских коммерсантов, где по праздникам для молодёжи устраивались гулянья со смотринами. В середине XIX века считалось, что здешний воздух помогает восстановить подорванное здоровье. Вера Павловна Зилоти, старшая дочь создателя Третьяковской галереи П.М. Третьякова, писала: в начале 1850-х годов Павел Михайлович с матерью и сестрой Соней «стали ездить на дачу в Сокольники, так как Сонечка была слабого здоровья». Со временем дачный отдых перестал быть уделом больных, стал насущной потребностью.

Постепенно число дачников возле Москвы увеличилось, прежних дач перестало хватать. В это время от Первопрестольной стали расходиться стальные паутинки железнодорожных путей: к Петербургу (1851), Нижнему Новгороду (1862), Рязани (1862), Ярославлю (в 1862 году открылся первый участок дороги, до Сергиева Посада, в 1870-м — второй, до Ярославля) и др. Следуя за прокладкой путей, дачные поселки всё дальше и дальше отступали от Москвы.

Первые русские дачи появились в начале XVIII века под Петербургом. Пётр I даровал для летнего отдыха своим приближённым небольшие земельные участки, где по типовому проекту возводились усадебные постройки. В XIX веке выезд на дачу перестал быть привилегией дворян и стал нормой для обеспеченных слоёв населения, не имевших собственной усадьбы — прежде всего для купцов. Дача, в отличие от усадьбы, не имела развитого сада и хозяйственных построек. Первоначально роль дач играли крестьянские избы, приспособленные под нужды дачников. Первые специально построенные дачи возникли в популярных местах гуляний, таких как Петровский парк и Сокольники. По мере строительства железных дорог увеличивалось число загородных дач, совершенствовалась инфраструктура — и росли цены. К 1880-м в Подмосковье разразился настоящий дачный бум. Купечество предпочитало жить в престижных и хорошо обустроенных дачных посёлках: Кунцеве, Перловке, Тарасовке, Пушкине и др.

Красноярск. Дача Евдокии Ивановны Кудрявцевой

УДОВОЛЬСТВИЕ И ПОЛЬЗА

Множество купеческих дач сосредоточилось на севере Подмосковья, вдоль Московско-Ярославской железной дороги — и на то были веские причины. Здесь пролегал древний тракт на Троицкое богомолье, то есть к Троице-Сергиевой лавре, куда купцы старались ездить дважды в год. На местных песчаных почвах росли сосны, чьи эфирные масла, как известно, полезны для здоровья. Кроме того, дорогу строили «свои» же, купцы Мамонтовы, с которыми владельцы дач легко договаривались о постройке рядом со своими владениями железнодорожных станций. Так появились платформы Перловская, Тарасовка и др. Владельцы поселков резонно полагали: наличие станции в «шаговой» доступности привлечёт к ним постояльцев. Уехать от городской суеты на лоно природы теперь не составляло особого труда — так же как, впрочем, и вернуться домой. Благодаря развитому сообщению коммерсант держал руку на пульсе событий, получая свежие биржевые новости, и мог в любой момент быстро вернуться к делам фирмы.

Дача в Финляндии. Художник Андрей Шильдер, Ставропольский краевой музей изобразительных искусств

ПРИЯТНЫЕ ХЛОПОТЫ

В мае-июне купечество всей семьёй выезжало из шумной, пыльной, душной Москвы и поселялось в дачном доме, где отдыхало душою и телом. Дачный сезон длился в среднем от трёх до пяти месяцев, заканчиваясь в сентябре-октябре.

Но прежде чем выехать из дома, главам семейств предстояло выбрать, где поселиться. Как правило, если семья была большая, дача приобреталась в собственность. Или, по крайней мере, её арендовали на несколько лет, чтобы обставить на свой вкус — так, к примеру, поступал П.М. Третьяков: десять лет его семья жила на дачах в Кунцеве, затем перебралась в Куракино (по Ярославской железной дороге), где прожила ещё больше. Но нередко дача снималась на два-три месяца, и каждый год купцы меняли летнее пристанище. Потомственный купец, актёр-любитель, один из создателей Театра-студии на Поварской (1905) Сергей Александрович Попов писал: «Нашей семье приходилось постоянно менять дачи, так как покойный отец во всём зависел от деда и при найме дачи приходилось считаться постоянно с мнением и настроением деда».

Съёмные дачи делились на меблированные, то есть сдававшиеся с мебелью, — и пустые. В последнем случае мебель нужно было брать напрокат. «Надо же было прилично обмеблировать летний свой дом: и столовая, и гостиная, и, наконец, жилые комнаты... Магазинов, которые отдавали напрокат мебель, было в Москве в то время много... Выбирали нужную мебель, оставляли, кроме арендной платы, ещё залог, если вас не знали, и уже хозяин магазина доставлял вам мебель на дачу». Стоимость меблированной дачи была, конечно, выше, чем немеблированной, иногда доходя до гигантской по тем временам суммы — 3000 рублей за лето.

Дача А.А. Верещагина за Успенским монастырем, фотография начала XX века

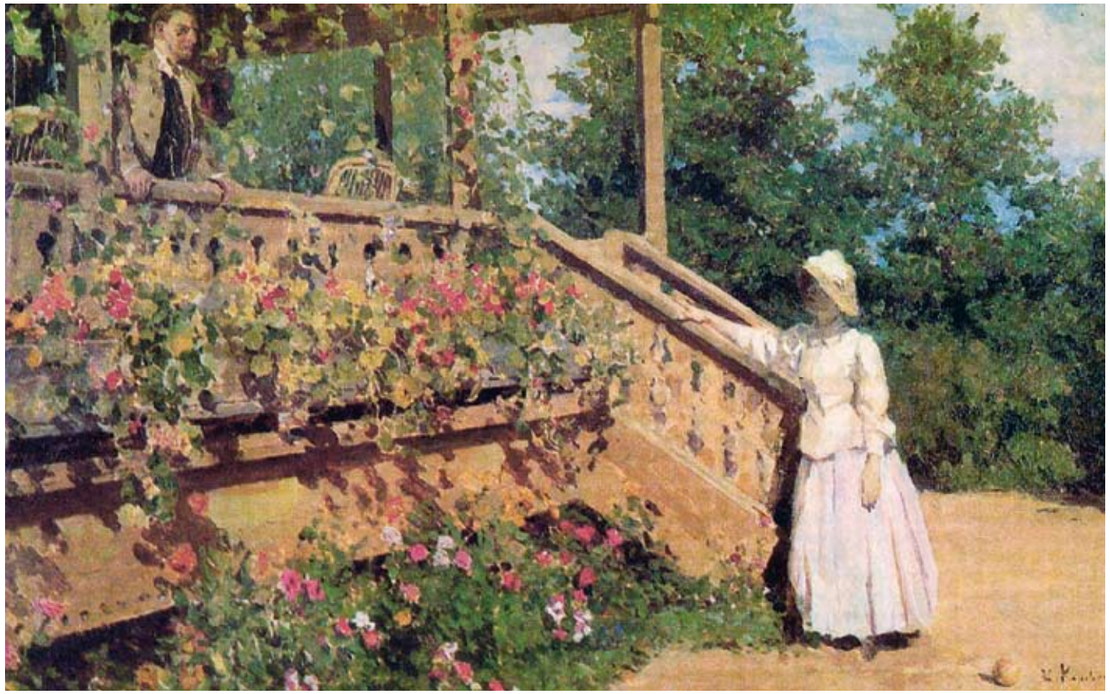
Марина, Лёля и Шура Найдёновы в Северском, 1900

А.Г. Найдёнова с детьми убирают опавшие листья, 1899

В некоторых особо престижных и любимых купцами посёлках, например в Перловке, которую построил и содержал чаеторговец В.А. Перлов, плату нужно было вносить заранее. Здесь было около семи десятков дач, и, по воспоминаниям современников, попасть сюда почиталось за счастье. Аренда перловских дач оплачивалась за три года вперёд, а её стоимость была сопоставима со стоимостью жилья в центре Москвы. Не менее популярны были кунцевские дачи, принадлежавшие купцу, меценату К.Т. Солдатёнкову и семейству купцов Солодовниковых. Сюда приезжало «по большей части московское именитое купечество, любившее летом тишину и покой».

Но вот, наконец, дача выбрана, надо готовиться к переезду.

Переезд на дачу — дело хлопотное. Переезжали всей семьёй: супружеская чета с многочисленными детьми, пожилые родственники, няньки, гувернантки, прислуга — общим числом 15–25 человек. Подмосковные



Настурции. Художник Константин Коровин , 1888, Государственный музей-усадьба В.Д.Поленова

дороги заполнялись вереницами тяжело гружённых дрог. Нужно было предусмотреть всё самое важное, ничего не забыть! С.А. Попов отмечал в мемуарах: «Кроме наёмной мебели и наёмного пианино, на дачу отправлялись возов 6–8. Сколько ящиков с посудой, бельём, одеждой, книгами, и даже бывал чуть ли не отдельный воз с игрушками и детскими велосипедами. Замыкал этот поезд обыкновенно отдельный воз, как мы называли в детстве, с гимнастикой… (то есть трапеция, кольца, верёвочная лестница, шашки на верёвке и качели)». Возглавляли процессию экипажи, в коих ехало само семейство, предвкушающее близкий отдых. В.П. Зилоти описывала путь к кунцевской даче: «Любили мы ездить в старом открытом ландо через Дорогомиловскую заставу, мимо бойни, по Поклонной горе, откуда Наполеон любовался Москвой… Каждый верстовой столб на шоссе, каждый поворот на просёлочной дороге наполнял душу такой неожиданной радостью, которая вспоминалась целую зиму и о которой целую зиму мечталось». Наконец, приехав, распахивали окна и двери своего владения, расставляли мебель, распаковывали ящики… Начиналась особая дачная жизнь.

На озере. Художник Игорь Грабарь, 1926, ГРМ

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

В купеческих дачных посёлках было всё, что требовалось для комфортного отдыха: церкви, купальни, театры, эстрадные и спортивные площадки, школы, больницы, кегельбаны. В Перловке был телеграф и почтовая контора, со временем появились магазины, а территорию охраняли специально нанятые сторожа. Дачи строились основательно: с выложенными из немецкого кирпича каминами и паркетными полами. По словам художника Константина Алексеевича Коровина, «в Пушкине, Царицыне, Люблине, Перловке, Кунцеве, где отдыхали богатые москвичи, дачи строили архитекторы. Они были крыты железом, с фонтанами перед террасой, с металлическим журавлём, из горла которого била струя воды. В садах стояли столбы, увенчанные зеркальными шарами. Дачи были крашены в жёлтый цвет, украшены разными финтифлюшками… Газоны, куртины цветов, дорожки посыпаны песком», чтобы по ним можно было ходить даже после дождя.

Тот же Коровин с теплотой писал: «Прекрасны были окрестности Москвы. Долины, леса, за которыми прятались уютные домики дач. Бежали речки с кристальной водой… Природа дивная… довольство». Ему вторит П.И. Щукин, чьё детство прошло на кунцевских дачах: «В начале лета в Кунцевском парке благоухали ландыши и белая и лиловая сирень, а в середине лета воздух был напоён ароматом цветущих лип… Певчих птичек было изобилие, по ночам пели соловьи, и даже кукованье кукушек и лягушачьи концерты придавали своего рода прелесть Кунцеву».

С переездом на дачу менялось всё: распорядок дня, круг общения, набор развлечений. Семья постоянно находилась на воздухе, знакомилась с соседями по даче; при желании занималась садом и огородом. Воскресный день начинался с церковной службы. П.И. Щукин, вспоминая детство, писал: «В кунцевскую церковь мы ходили с отцом и матерью, по воскресеньям и праздникам, к поздней обедне». После службы дачники ловили рыбу, гуляли по окрестностям, читали книги — вслух и про себя. Пили чай за длинным общим столом, обсуждая прочитанное. «Среди лета все родители пили воды, кто “Виши”, кто “Эмс”; все гуляли, встречались и беседовали о политике, злобах дня и более всего о новых книгах».

За чайным столом. Художник Константин Коровин,1888, Государственный музей-усадьба В.Д. Поленова

Будние дни начинались с купания в прохладной воде. «Утром, обернув голову полотенцем, все шли купаться на речку или большие пруды, где на воде стояли деревянные, сбитые из досок купальни. Что за восхищенье — эти купальни! Когда по деревянным мосткам от берега войдёшь в них — вас охватывает, при виде воды, какая-то особая бодрая радость. Вы раздеваетесь на лавочке у стены. Маленькие рыбки стайками бегают у ваших ног и пропадают в глубине. По маленькой лестнице вы спускаетесь в воду. Какая вода! Она пахнет соседними лесами. Купаться так приятно, что… вам не хочется расстаться с водой».

После купания следовал завтрак, к которому сходилась и сбегалась вся семья. «На террасе чай со сливками, свежее масло, розанчики из белого хлеба, плюшки сдобные. Разносчики покрикивают, предлагая всякую всячину: “Калачи, выборгские крендели, сдобные баранки, сухари, сушки с солью, творожники, бисквi-

Портрет артистки Татьяны Любатович. Художник Константин Коровин, вторая половина 1880-е гг., ГРМ

ты". Другие кричат: "Цыплята, индейки, рябчики, поросята, солонина, баранина, телятина". А то ещё рыбный товар». Позавтракав, взрослые укрывались от зноя в деревянных беседках, а дети убегали на природу. Через какое-то время наступал обед, затем время чая, а потом начинался вечер — время задушевных бесед, настольных игр, прогулок по саду и музицирования.

В погожий день дети бегали по лесу, собирали ягоды, грибы и орехи, купались и ловили рыбу при помощи плетёных корзин. А иногда совершали набеги на соседние дачные участки. «Позади сада тянулись большие огороды, и, чтобы воровать морковь и пр. и не быть замеченными, мы придумали такой способ. Вдоль забора у нас в саду росли большие липы. Мы срезали несколько веток, на верёвках их спускали вниз, привязав к большим сукам, и за таким прикрытием спускались с забора и затем на животе ползли по огороду за добычей». И, конечно, детвора общалась с соседями по даче — каких только игр они себе не придумывали!

Играли в лапту, в городки, в прятки, в салочки, в индейцев, в солдаты, для чего наряжались в одежду разных полков. Наперегонки ездили на велосипедах, участвовали в любительских спектаклях, строили дома и шалаши, играли в магазины, совершенствуя деловые навыки... «На даче деда... мы открыли колониальную торговлю. Из жести сами мастерили большие банки и раскрашивали их акварелью, собирали обёртки от карамели, завёртывали в них что-нибудь», — вспоминал С.А. Попов. Бегали смотреть на прибывшие из города забавы. Так, «в Кунцево приходили из Москвы... шарманщики и "петрушка". Представления последнего нас очень занимали. Приводили и медведей».

У детей постарше были свои развлечения. Юные купцы играли в крокет, посещали кегельбаны, катались на лодках, ездили на пикники, оттачивали навыки верховой езды. Молодые люди и девушки много читали. «Одно за другим выходили сочинения: Печерского "В лесах" и "На горах"; "Анна Каренина" Толстого; сочинения Достоевского и Тургенева; читались всеми "Вестник Европы", "Русский вестник" и "Отечественные записки". Выросшая молодежь... обсуждала все эти книги». Девушки в ненастные дни и по вечерам музицировали, исполняя по заказу слушателей произведения Баха, Бетховена, Листа и др. Конечно, на дачах нередко влюблялись, благо здесь было достаточно сверстников — и особый поэтический настрой.

Почти в каждом дачном посёлке имелись так называемый круг, или место для танцев, летний театр и эстрадная площадка, куда приглашались известные столичные артисты. Хозяин Кунцева, К.Т. Солдатёнков, устраивал для дачников изысканные обеды и балы, сжигал на берегу Москвы-реки роскошные фейерверки «с громадными щитами, снопами из ракет, бенгальскими огнями». Монотонность дачной жизни нарушали и праздники: именины, дни рождения, годовщины свадеб. По свидетельству С.А. Попова, «развлечением было ходить смотреть иллюминацию и фейерверк, устраиваемые часто по случаю дня ангела, рожденья и т.д. дачниками; особенно в моде были бумажные фонари», освещавшие путь по вечерам.

ДЕЛУ ВРЕМЯ, ПОТЕХЕ — ЧАС

В целом образ жизни именитого купечества по стилю и характеру времяпрепровождения мало чем отличался от дворянского. Разве что... и на отдыхе купцы не забывали о делах.

Даже самые богатые и влиятельные коммерсанты не считали зазорным заниматься физическим трудом: подметать дорожки, пропалывать сорняки, поливать растения. Родители рано приучали детей трудиться. Большая семья Найдёновых дружно убирала опавшие осенние листья и подметала сор на дорожках сада. Так же поступали Третьяковы. Меценат, купец-миллионщик «по вечерам на даче любил стричь сухие ветки на сирени», «разметал дорожки, поливал цветы. И детей своих заставлял делать то же». Хозяйки варили в саду варенье, соперничая с соседками в этом непростом искусстве. Важно было, по словам купца Н.А. Варенцова, «не опозориться и не ударить лицом в грязь перед конкурирующими родственными и знакомыми хозяйками во вкусе и красоте... варенья».

Для глав семейств дачный отдых был поводом завести деловые знакомства, собрать сведения о возможных конкурентах или новых компаньонах. Нередко именно на даче, в расслабленной обстановке, велись деловые переговоры. Так, на даче купца, режиссёра, актёра К.С. Алексеева-Станиславского в Любимовке завершилась его знаменитая «восемнадцатичасовая беседа» с Вл.И. Немировичем-Данченко, увенчавшаяся созданием Московского Художественного театра (1897). Возле дач нередко существовали места для чаепития, где можно было обсудить планы на будущее. К примеру, в Петровском парке в 1870-х годах появились «квадраты, обсаженные кустами акации, посреди стол, скамейки и стулья. Кажется, там за особую плату в чайниках лицам "благонадёжным" подавали вино».

Впрочем, большую часть дачного сезона купцы проводили вдали от семей. В понедельник главы семейств и их подросшие сыновья вставали с утра пораньше и садились в экипаж или же торопились на утренний поезд — в Москву. Ещё не доехав до города, они погружались в мир коммерции. Поезда в то время ходили редко и, по воспоминаниям В.П. Зилоти, «все наши отцы-купцы ездили в Москву в вагонах, специально для них устроенных... Набиралось купцов наших, начиная от Пушкина, Тарасовки и других станций, несметное количество. Это стало клубом. Отец наш привозил много рассказов, сплетен, но бывали и серьёзные разговоры о политике и делах». Таким образом, мужчины отдыхали от своих семейств. На дачах оставались лишь отошедшие от дел старики, женщины и дети.

Как правило, купцы оставались в городе до выходных, некоторые возвращались к родне каждый день — вечерним поездом. К.А. Коровин хорошо передал атмосферу этих поездок: «К вечеру, после делового дня, москвичи спешат на вокзалы, на дачные поезда. Каждый везёт в руках узелки, бисквитный пирог, вино на дачу, на привольное лоно природы». Впрочем, иной раз коммерсанты покидали дачу надолго — к примеру, чтобы успеть подготовить товар к открытию ежегодной Нижегородской ярмарки (15 июля). Некоторые, оказавшись вдали от бдительного надзора супруги, уходили в загул, чтобы потом вернуться с повинной — и дорогими подарками для жены.

В лодке. Художник Константин Коровин, 1888, ГТГ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вот почтенные матроны закончили варку варенья, на деревьях появились первые золотистые пряди. Дети за лето подросли. Пора возвращаться обратно в город.

Всё происходит так же, как и в мае, только в обратном порядке. «Из дачи выносят мебель, корзины с посудой, железные кровати, матрацы, корыто. Всё навьючивают на полок. Коля и Саша — оба гимназисты — грустные. Завтра начало ученья. Надевать ранец с книгами и идти в гимназию». Покончив с погрузкой вещей, дома запечатывают от воров и покидают дачу до следующего лета.